

ВСТРЕТИМСЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ

(Надя Делаланд. Рассказы пьяного просода. – М., Эксмо, 2021, серия «Вперёд и вверх. Современная проза». – 160 с.)

Какие мысли приходят в голову, когда читаешь книгу, в которой героиня умирает и тут же, не успев осознать факт собственной смерти, отправляется «сквозь лес» на электричку – на станцию, где один из поездов, мчащихся навстречу друг другу, «кончился, а второй ещё продолжался»?

Возможно, читатель подумает, что автор – чудака, человек с причудливой фантазией или же... инопланетянин. Последнее определение кажется самым точным. Известный поэт, педагог и психотерапевт

Надя Делаланд, написавшая в высшей степени необычную историю о пьяном просоде, точно прилетела с другой планеты. Вероятно, на нашей земле она оказалась не просто так, а была послана с очень важной миссией – сообщить землянам радостную весть о том, что умирать совсем не страшно. Главное – чтобы у человека «было куда умереть».

Мир, в котором обитают герои Делаланд, только на первый взгляд кажется обычной реальностью. Он действительно чем-то на неё похож, но, в сущности, является её обратной стороной – своего рода Зазеркальем. Если говорить точнее, Посмертьем. Именно так можно охарактеризовать мифологическое пространство романа «Рассказы пьяного просода». Рассказчика больше всего занимает вопрос, кем станем мы и мир вокруг нас, когда мы умираем. А ответ на него предельно прост: мы становимся собой, а мир становится нами. И значит книга не о смерти, а о жизни после неё. А ещё она – о самом страшном и одновременно самом прекрасном, что только может произойти с человеком – о встрече с собой.

Каждая из десяти вставных новелл романа – мистическое путешествие «внутрь себя», взгляд на себя со стороны из посмертья. Взгляд пристальный и протяжённый – до момента полного осознания факта, что ты – это не ты, а совсем иная субстанция, земная маскировка, долгие годы прикрывавшая твои истинные чувства и желания. К слову о маскировке – именно её автор считает самым несущественным атрибутом нашего «я». Героиня рассказа «Кошелёк», в какой-то момент полностью сливаясь со своим создателем, рассуждает наедине с собой: *«Не метонимический ли перенос – эта смежность в пространстве и времени души и тела, как тела и платья (брюк, пиджака, шляпы)?»*. И тут же рождается естественная мысль об отсутствии всякой необходимости цепляться за свою земную ипостась, поскольку *«чем больше в человеке „платья“, укорененности в „платье“, самоотожествления с ним – тем страшнее смерть»*.

А вообще – уместно ли употреблять понятия «герой» и «героиня» применительно к роману о просоде? Здесь, так же, как в пьесах сборника «Один человек», литературный персонаж – только сам автор, в бесконечном множестве его вариаций, альтернативных сущностей, вымышленных лиц. Старый чудаковатый просод, любящий козье молоко – тоже один из авторских голосов. Причём его можно назвать универсальным голосом, олицетворяющим бессмертную ипостась автора, признанного стать творцом в одном из своих земных воплощений. За счёт подобной инверсии и возникает эффект неразрывной связи двух рассказчиков, один из которых – точная копия другого, но при этом старше на несколько десятилетий. С каждым новым появлением просода временная дистанция между ним и автором всё больше сокращается – в конечном итоге «голоса» сливаются в один, и значит, история завершена: *«Пьяный просод снова погладил меня по руке, посидел молча с минуту, – я заметила, что на его лице совсем нет морщин. Потом он порывисто встал и вышел. Я немного подождала и вышла вслед за ним»*.

Само понятие времени стирается за границами земного существования – оно утрачивает смысл, поэтому становится совершенно неважно, сколько лет девочке – пять или семьдесят пять (*«где-то в этом промежутке»*).

Все герои и героини рассказов просода – не более чем авторские сущности, множественные отражения его мыслей, чувств, потаённых желаний, в числе которых – желание «заглянуть за грань», посмотреть, что там. Чтобы познать себя, они делают шаг «по ту сторону», обнаруживают себя в посмертном запределье. Странная Лидия, влюблённая в семидесятилетнего Иосифа, вместе с ним «умирает в новую жизнь», где герои могут быть вместе и оставаться вечно молодыми. Поражённая слепотой Мария, умирая, *«одновременно с оставленным телом... увидела свой „голос“; такой же светящийся, дышащий светом, как она»*. Её недуг становится возможностью альтернативного существования – вне тела. А необычный диалог двух Александров из рассказа «Стекланный дом» в какой-то момент приобретает ярко выраженный абсурдный оттенок. Вымысел и реальность уже не различить, и возникает чувство, что оба героя – всего лишь плод больного воображения автора, его эго и alter-эго: *«Смешно это, право... всякий раз я отказываюсь верить в то, что я – это я. – Он тихо засмеялся, глядя в сторону. Потом яростно заорал, дико тараща на меня глаза: – Куда ты пойдёшь? Некуда тут больше идти. Никого тут, кроме меня, нет. Кроме тебя – нет»*.

Все персонажи романа – настоящие демиурги, творцы новой реальности. Но весь фокус в том, что воображаемый мир никогда не выходит за пределы их собственного сознания, порождающего множество альтернативных сущностей – аналогов своего создателя. *«Моя реальность – это я сама»*, – утверждает Делаланд. Кстати, отнюдь не случайно она выбирает для своей героини имя Ксения, о чём упоминает в своей рецензии, написанной для журнала «Знамя», одесский поэт Владислав Китик: *«Само имя её, Ксения, означает „чужеземная“ – вышедшая из мира других реальностей»*.

То, что рассказчица мистических историй – проекция самого автора, не вызывает сомнений. Обе они любят блуждать в тёмных лабиринтах человеческого подсознания. Потому что в каждом из нас присутствуют признаки внешней и внутренней жизни, и, закрыв глаза, гораздо проще увидеть самое важное, пусть и неочевидное для окружающих.

Эта концепция жизни с закрытыми глазами, обращёнными внутрь себя, наиболее отчётливо прослеживается в рассказах «Зеркало» и «Лифт». Героиня первой истории – настоящая Алиса, попадающая в Зазеркалье, которое кажется ей удивительно уютным и знакомым, являющимся абсолютной копией

её самой. Поэтому потусторонний мир становится гораздо более ярким и реалистичным, чем сама реальность: *«Мне нравилась тотальность восприятия, всё открывшаяся во мне. Я стояла посреди комнаты, и всё происходящее принадлежало мне, было мной. То ли все предметы обладали здесь какими-то особенно чистыми цветами и линиями, то ли качество моего зрения стало иным от этой перемены мира, но я видела очень четко каждую мелочь, каждая мелочь была важна».*

Мир зазеркалья притягивает и отталкивает одновременно, потому что *«остаться навечно наедине с собой... это как сойти с ума».* Но любое творчество всегда сродни сумасшествию, и в конечном итоге забирает творца в мир его причудливой фантазии. Так происходит в последней, десятой, новелле, знакомящей нас с тяжело больной писательницей. Телом она прикована к системе жизнеобеспечения, но при этом продолжает активную жизнь внутри себя, свободно передвигаясь в своём воображаемом мире, вместе с придуманными ею героями Полиной и Сашей. В тот момент, когда в глаза умирающей рассказчице заглядывают ею же созданные персонажи, внешний мир окончательно перетекает во внутренний. Так творец, встречаясь со своими творениями, видит в них самого себя и отказывается от того, что им самим не является: *«Саша тоже заглядывает мне в глаза. Он совершенно такой, как я представляла. Только в очках. А в лифте был без очков...».*

Мария, – говорит Полина. – Вот, я принесла фиалки. – Она подносит к самому моему лицу душистый букетик. Не убирай, не убирай, пожалуйста... Ну что ж ты... – И вы просили меня сказать, что это не страшно...».

И мне становится нестрашно. И ещё я чувствую, что когда придут отключать аппаратуру, меня уже здесь не будет, потому что я сейчас...».

Человек не умирает и никуда не исчезает – он просто закрывает глаза для внешнего мира и открывает их внутрь себя. Именно там, внутри, и начинается самое интересное – оно никогда и не прекращалось, существовало задолго до нашего рождения и просто могло забыться на время проживания одной из возможных земных ипостасей.

Истории просода обращены в далёкое будущее и рассказаны от лица ещё не появившейся на свет героини: *«Понимаешь, когда я рассказываю свои истории, я становлюсь кем-то другим. И недавно я понял, кем. Через много-много лет на свет родится одна девочка. Она не будет знать греческого языка, хотя в роду у неё будут греки. И вот она вырастет и станет сочинять истории, которые я сейчас рассказываю».* Это ещё не свершённое будущее в какой-то момент станет прошлым, но для вечности подобный факт не имеет никакого значения. Совершенно неважно, сколько нам лет – 5 или 75, неважно даже, живы мы или умерли – важно лишь то, что ждёт нас «по ту сторону» смерти, в том мире, где мы можем всегда оставаться молодыми и счастливыми.